

Независимая
газета. - 1998.

Бродячая собака

- 27 янв. - с. 7

Михаилу Барышникову — пятьдесят лет

БАРЫШНИКОВ уехал из России двадцать четыре года назад. И по праву принадлежит миру: не только логика собственного выбора, но и природа балета, одного из самых космополитичных видов искусства, — тому причиной. Притом в России не утихает просто-таки жадный интерес к его личности и творчеству.

На всех перекрестках судьбы у Барышникова приготовлен неожиданный ход — словно рояль в кустах, переворачивающий накопившуюся рутину. Он меняет страны, театры, направления танца, личные привязанности, мечтая все изобрести заново — чем неожиданнее опыт, тем интереснее. Его манит «радость исчезновения былых норм», волнует азарт погони за непознанными смыслами. Воспитанный в догмах «передовой идеологии», Барышников послал к черту формулу «Свобода — осознанная необходимость». Если уж искать короткие парадоксы, то его жизни подходит дзэнский коан: «Плывет по течению — идет наперекор».

Все свои возможности он знает прекрасно и полон решимости до конца использовать и необыкновен-

ный танцевальный дар, и нешуточные, как у нас говорят, «организаторские способности». Не продавая вдохновения, он отлично умеет продать «рукопись». И в конце концов побеждает. Созидательное своеволие — отличительная черта Барышникова, человека и артиста, — всегда получает в ответ любовь.

Почему так притягивает его танец? Каждому в зрительном зале он дает то, чего не хватает. «Массового» человека отсылает к тайнам интеллекта; интеллектуалов провоцирует соблазном высшей простоты. Общедоступность этого искусства не менее очевидна, чем его утонченность.

Все, что делает Барышников, словно описано Честертоном: «Никто не может быть истинно весел, кроме серьезных людей». В его танце порыв и математика сплетаются в целое, и получается нечто, трудноописуемое словами: бескрайность и полет, оформленные четкой структурой. Трезво просчитанная ваханалия. Виртуозность, льющаяся как поток сознания в модных романах, — и «золотое сечение» пропорций. Искусство великого шута и не менее великого трагика.

В танце Барышникова — отзвуки «прекрасной ясности» русского акмеизма. Та же нелюбовь к декларируемой «трансцендентности», к туманным «наитиям», к недоговоренности и легко дающейся «многозначительности». Тот же интерес к жизни — «на «вы» все впечатленья бытия». Завершенность и заостренность формы, чеканность деталей, интенсивность колорита. И главное — искусство, понимаемое как вершина ремесла: техника искусства есть основа поэтики.

Когда он танцевал классику, он освобождал ее сокровища от музейной пыли. Когда исполняет модерн-танец, находит баланс между зрительскими вечными константами: потребности в привычном и жажде удивления. Мы любим его за умение рождать совершенство из сора будней — как и бывает (еще Ахматова заметила) — в истинном акте творчества. С днем рождения, Михаил Николаевич!

Подробнее о жизни Михаила Барышникова читайте в приложении «Кулиса-НГ» 30 января.

Майя КРЫЛОВА

